

CASUS AD CREATURAM. ФИЗИЧЕСКИЙ ИЗЪЯН КАК ПОВОД К ЛИТЕРАТУРНОМУ ТВОРЧЕСТВУ

Глотов А. Л.

ВВЕДЕНИЕ

Обозначенная проблема никогда не была ни в истории мировой литературы, ни в теории литературы чем-то, привлекающим внимание исследователей, поскольку физическое состояние автора литературного произведения практически никак не отражается на качестве этого произведения. Точно так же, как и другие индивидуальные психосоматические критерии: пол автора, возраст, раса, национальность и тому подобное. Во всяком случае не существует научного инструментария, при помощи которого можно было бы определить авторскую принадлежность того или иного художественного текста к некоей категории лиц: слепых или зрячих, молодых или зрелого возраста, монголоидов или негроидов, поляков или чехов. Разве что сам текст посвящен именно этому аспекту личности автора, когда лирический герой рассказывает о своём отличии от других по какому-то признаку, и это становится основой сюжета.

В любой науке принято явления, изучаемые ею, сортировать по неким критериям. Скажем, в ботанике каждое биологическое явление представлено с разных точек зрения. Например, «огурец». Во-первых, это не просто огурец, а «огурец обыкновенный», он же – «огурец посевной». Во-вторых, он принадлежит к «роду огурцов». В-третьих, к «семейству тыквенных». В-четвёртых, к «порядку тыквоцветных». В-пятых, к «классу двудольных». В-шестых, к «отделу цветковых». В-седьмых, к «царству растений». И в-восьмых, к «домену эукариотов». И если кто-то вдруг подумает, что огурец из рода огурцов – это тавтология, то он грубо ошибётся. Потому что в этом славном своими предками роду существуют два подрода, в каждом из которых по четыре секции, а всего в роду огурцов числится, по разным системам подсчёта, от 52-х до 61-го вида огурцов. Это то, что в обиходе называют «сортами». Ну и для вящей научности: по-латыни этот овощ называется

«Cucumis» (видимо, поэтому по-английски «Cucumber»). А особо любознательным могу сообщить, что «дыня» – тоже «Cucumis», то есть огурец. Вот как-то так – и sapienti – sat.

Разумеется, это сделано по заветам светлой памяти Карла Нильсовича Линнея, которого в учёных кругах принято считать лектотипом вида Homo sapiens, то есть образцом человека разумного, за то, что он составил классификацию того, что изучал, в данном случае всего живого. Его стопами впоследствии пошли и Чарльз Робертович Дарвин, и Дмитрий Иванович Менделеев. Как только учёный отсортирует, расставит по полочкам то, во что вперил он свой пытливый взгляд, тут же всё становится разумным и понятным. Конечно, на полочках оно перестает жить и функционировать, но тут уже ничего не поделаешь: или живое, или классифицированное.

В литературоведении тоже можем наблюдать стремление к классификации явлений литературы: авторов литературных текстов и собственно произведений. В теории литературы эта тенденция прослеживается в большей мере, в истории литературы – sporadически.

Возьмём, опять же для примера, **Вильяма Шекспира**, сына перчаточника Джона Шекспира. Во-первых, это «английский писатель», то есть писавший на английском языке. Уточнение таковое, увы, необходимо, потому что существовали ирландские и шотландские писатели, также писавшие на английском языке, не говоря уже о писателях американских, канадских, австралийских, новозеландских, индийских и прочих. Во-вторых, это «писатель 16-го», а в-третьих, «17-го века». В-четвертых, это «драматург». В-пятых, «поэт». В-шестых, «актёр». В-седьмых, «театральный менеджер», совладелец труппы «Слуги короля» и театра «Глобус». В-восьмых, он, по мнению довольно многих исследователей, «представитель сексуального меньшинства». И наконец, в-девятых, Вильям Шекспир, опять же, по мнению некоторых историков литературы, явление, которое называют «литературной мистификацией», то есть такой себе литературный проект, к которому реальный Шекспир отношения не имел. И это только по автору. Целый ворох различных категорий и дефиниций обнаруживаем, когда речь заходит о его произведениях: начиная от языка, который современный англичанин понимает с трудом, и кончая мозаикой образов.

Можно представить эту классификацию даже в виде таблицы, в которой Шекспир пересечется с другими авторами только по одному показателю, не имея ничего общего по всем остальным.

	Английский язык	16 век	17 век	Драматург	Поэт	Актёр	Театральный продюсер	ЛГБТ	Мистификация
Вильям Теккерей									
Франсуа Рабле									
Ганс Гриммельсгаузен									
Александр Островский									
Расул Гамзатов									
Чарли Чаплин									
Карабас Барабас									
Элтон Джон									
Козьма Прутков									

Есть и категории, по которым Шекспира нет нигде: ни во времени, ни в пространстве. Хвала Всевышнему, его нельзя сопоставить, например, с советским романистом Георгием Мокеевичем Марковым. Вот ни по одному показателю нельзя сопоставить. Ну, разве что по тому, что в населённых пунктах, где они родились (и более – нигде), установлены памятники: в Стратфорде-на-Эйвоне графства Уорикшир в Великобритании – Вильяму Шекспиру, а в деревне Ново-Кусково Асиновского района Томской области Российской Федерации – дважды Герою социалистического труда Георгию Маркову.

Таким образом, наука о литературе располагает достаточно широко развёрнутым инструментарием, с помощью которого можно попытаться охарактеризовать то или иное явление. Критерии могут

быть как доминирующими, определяющими основную суть творчества, так и периферийными, дополняющими естество явления, порой с неожиданной стороны.

Существует, в частности, некая точка зрения, которая до сих пор не привлекала, насколько мне известно, сугубого внимания исследователей, а именно: константное физическое состояние автора литературного произведения. Речь идёт именно о постоянном, устойчивом, практически неизменяемом состоянии, а точнее, отклонении от нормы физического состояния. Отсутствие такого внимания именно к этому показателю вполне естественно, поскольку не существует объективных критериев, отличающих текст, написанный лицом с определёнными отклонениями от физической нормы, например, с ампутированной ногой, от текста, созданного вполне двуногим субъектом.

Впрочем, практически недоступны взору исследователя также разность текстов, написанных женщинами, и мужских произведений. Равно как и творение юноши подчас не отличить от опуса, созданного зрелым мужем. Не говоря уже о каких бы то ни было особенностях художественной литературы с позиции расы: европеоидной, монголоидной, негроидной. Существует только авторское художественное сознание, которое никогда не смотрит в зеркало, пребывая в кругу национального и мирового письма. Нет такого инструмента, с помощью которого можно было бы, не глядя на титульную страницу книги, составить её спецификацию, учитывающую все вышеупомянутые показатели.

Впрочем, лирический герой, персонаж может рассказывать именно о своём отличии от остальных по какой-то конкретной примете, и это становится основой сюжета. Во всех остальных случаях читатель, даже квалифицированный, может и не знать, что **Гомер** был слепым, **Байрон** – хромым с детства, а **Иван Франко** страдал ревматоидным полиартритом.

1. Инвалидность в контексте мировой культуры

Разумеется, есть виды человеческой деятельности, где физический недостаток может стать преградой, например, спортивные занятия. Но даже в этой сфере люди стремятся преодолеть приговор судьбы и проводят спортивные состязания для инвалидов – параолимпийские игры. И бегун с ампутированными до колен ногами решает принимать участие в стартах с обычными спортсменами и даже побеждает многих из них. А олимпийский

чемпион **Валерий Брумель** после аварии и трёх десятков операций на ноге возвращается к прыжкам.

И вообще история человечества полна случаями того, как преследуемый ударами фатума человек не смиряется со своим уделом калеки, а выкарабкивается из этого статуса и достигает таких высот, на которые нормальный, но заурядный гражданин и взглянуть боится.

На взлёте карьеры молодого успешного американского политика **Франклина Рузвельта** косит не ведомая на тот момент науке болезнь – и ждали его, казалось, паралитическое кресло и политическое небытие. Но он учится стоять на людях, продолжает политическую деятельность и становится одним из самых успешных президентов США за всю историю. Основоположник квантовой космологии англичанин **Стивен Хокинг** вообще говорить мог только благодаря тому, что у него еще шевелилась правая щека (всё остальное было парализовано). Что не мешало ему менять жён, летать в невесомости и делать открытия в физике. Безрукий и безногий **Ник Вуйчич**, один из наиболее популярных христианских проповедников, ездит по всему миру, пишет книжки и воспитывает нескольких собственных детей.

То же самое наблюдаем во многих видах искусства: карлик живописец **Тулуз-Лотрек**, глухой композитор **Бетховен**, полуслепой художник **Клод Моне**...

Физическое тело как полный комплект уже не играет определяющей роли в создании конечного продукта деятельности, этот феномен можно было бы назвать «синдромом головы профессора Доуэля» (роман **Александра Беляева**, тоже, кстати, поражённого болезнью), поскольку ведущую функцию тут имеет интеллект, homo sapiens sapiens.

В массовом сознании реципиента произведений искусства подвиг вдохновения художника, преодолевшего физический недуг и создавшего все же, невзирая на него, шедевр живописи, музыки, скульптуры, литературы, остаётся в большинстве случаев невидимым и неведомым, потому что авторы в основном не могут об этом сообщить в картине, скульптуре, сонате.

2. Инвалидность как «повод к творчеству» в литературе

В то же время художник слова, писатель имеет возможность артикулировать эту жизненную проблему, которая, конечно, не касается искусства как такового, но может постигнуть любого, в том числе, собственно, и реципиента. Таким образом, есть некое

типологическое отличие людей с инвалидностью – писателей от всех прочих носителей физических недостатков, сумевших вырваться из заурядности и обыденности. Собственно, о них и пойдёт речь.

В каждой науке исследователь рано или поздно озадачивается вопросом происхождения того явления, к сущности которого он ищет подступы. «Дилемма курицы и яйца» со времён Аристотеля и до наших дней не даёт покоя пытливым умам. В этом конкретном случае с самого начала было само собою разумеющимся, что художественный талант (музыканта, живописца, писателя) – это уже отклонение от нормы, на фоне которого любое другое сопутствующее увечье – слепота, хромота, глухота – выглядели естественным дополнением. То есть Гомер не потому гений, что он слеп, а потому слеп, что он гений. И чем более одарён человек как творец некоей художественной действительности, тем более он должен (физически или психически) выделяться из общего ряда. Бог так и должен метить шельму. В польской, например, фразеологии подозрительность к человеку, отличающемуся от нормы физически, ещё более откровенна: *Rudowłosy, kuternoga, zezowaty, śniady: już wielka łaska Boga, gdy ten człek bez zdrady* (*Рыжий, колченогий, косой, черномазый: человек ненадёжный*).

В некоторых национальных культурах слепота – обязательный компонент такой творческой профессии, как странствующие музыканты-певцы. У большинства народов этот фактор не включается, всевозможные ваганты, трубадуры, менестрели в Европе, акыны и сэсны в Азии, вероятно, имели какие-то психофизиологические особенности, но клеймо незрячести над ними не тяготело. В свою очередь, украинские кобзари и лирники^{1, 2}, русские калики перехожие³, японские странствующие

¹ «На смену кобзарей явились слепцы лирники» – Бандурист. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург, 1891. Т. 2а. С. 800.

² «Лірниками ставали здебільшого сліпі музично обдаровані люди, які грою на лірі мали змогу заробити собі на прожиток. Супроводжував лірника зрячий поводитир». Богданова О.В. Лірництво, ліра, лірники, лірницька мова, лірництво як явище української духовної культури. *Енциклопедія історії України*. Київ : Наукова думка, 2009. Т. 6. 790 с.

³ «Калики или калеки перехожие – старинное и донныне употребительное в разных частях России название для странников-слепцов, поющих духовные стихи» – Калики. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург, 1895. Т. 14. С. 27 – 28.

монахини «годзэ»⁴ і монахи «бива-хосі»⁵ каким-то образом практично завжди були слепими.

Ісследователи-этнографы в подавляющем большинстве случаев вообще не задаются целью выяснения, каким именно был характер слепоты в этом кластере социума: была ли она врожденной, приобретенной в результате болезни или травмы, или же всё-таки искусственной, своего рода пропуском в профессию⁶. Разумеется, речи не могло идти об имитации незрячести, это Михаил Самуэлевич Паниковский позволял себе под прикрытием киевского городского прикидываться незрячим. Ремесло же носителя народной мудрости «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез», поэтому отказ от видения внешнего и переход на внутреннее зрение мог быть и осознанным шагом к постижению искомой истины, своего рода творческой инициацией, доказательством права говорить от имени народа: «*Незрячі кобзарі ставилися до свого каліцтва як до обраного Богом шляху служіння людям*»⁷. В начале XX века в Украине было всё же ни много ни мало – 10 тысяч слепых бродячих музыкантов⁸. Тут сама статистика отрицает случайность этого явления. Тем более что пребывание в этом клане требовало от членов его знания, во-первых, своего рода

⁴ «Бродячие слепые артистки (годзэ) зарабатывали на жизнь, обходя дома с песнями под сямисен и старинными сказаниями» – Годзэ. Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%BE%D0%B4%D0%B7%D1%8D> (дата звернення: 26.01.2021).

⁵ «По дорогам страны бродили бива-хоси (монахи с бива – четырех- или пятиструнным инструментом, японской лютней); слепцы, бродячие сказители» – Конрад Н.И. Японская литература XIII–XVI вв. *История всемирной литературы* : в 8 т. Москва : Наука, 1983–1994. Т. 3. С. 654–673.

⁶ Єременко О. Синкретичність еволюції кобзарства: від історичного явища до художнього образу. *Синопис: текст, контекст, медіа*. 2014. № 3. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/stkm_2014_3_5 (дата звернення: 26.01.2021); Жеплинський Б.М., Ковальчук Д.Б. Українські кобзарі, бандуристи, лірники. Енциклопедичний довідник. Львів : Галицька видавничча спілка, 2011. 316 с.; Захарчук О. Шевченко і кобзарське мистецтво. *Музика. Український інтернет-журнал*. URL: <http://mus.art.co.ua/shevchenko-i-kobzars-ke-mystetstvo/> (дата звернення: 26.01.2021).

⁷ Захарчук О. Шевченко і кобзарське мистецтво. *Музика. Український інтернет-журнал*. URL: <http://mus.art.co.ua/shevchenko-i-kobzars-ke-mystetstvo/> (дата звернення: 26.01.2021).

⁸ Українське кобзарство: методико-біографічні матеріали / уклад. Н.О. Кліменко ; КЗ КОР «Київська обласна бібліотека для юнацтва». Київ, 2020. 45 с.

кодекса поведения (и строгого его исполнения), во-вторых, тайного «лебийского» языка, в-третьих, чётко определённого репертуара. Десять тысяч исполнителей сопровождали в их странствиях десять тысяч пока ещё зрячих мальчиков-поводырей, проходящих науку и готовящихся в будущем занять место кобзаря.

Образ кобзаря (лирника) в украинской и польской культурах стабилен и семантически многогранен. Достаточно вспомнить, что именно «Кобзарём» назвал свою главную книгу Тарас Шевченко.

И в современном художественном контексте этот персонаж то и дело появляется, выполняя функцию именно гласа народного: в фильме легендарного Ежи Гофмана «Огнём и мечом» гуляка Онуфрий Заглоба (судя по имени, этнический украинец), чтобы стать социально невидимым, переодевается в бродячего лирника и, не попадая в ноты, поёт украинские думы, а на экраны современной Украины выходит фильм режиссёра и профессионального кобзаря Александра Санина «Поводырь», моментально ставший культовым, потому что образ угнетённого советской властью, но не сдающегося слепого кобзаря тут же безошибочно вписался в парадигму новой украинской идеологии.

Вопрос художественной самостоятельности, поэтического авторства в те былинные времена, когда фольклор ещё не изучался, а создавался, что на Руси, что в стране восходящего солнца, разумеется, не стоял. Очевидно, такая традиция существовала со времён древнегреческих певцов-аэдов, один из которых, «Демодок – слепой певец у царя феакийцев, Алкиноя, певший во время пребывания Одиссея у Алкиноя эпические песни»⁹, у слепого автора «Одиссеи» обозначен именно как типичное явление того времени:

*Муза его при рождении
злом и добром одарила –
Очи затмила его,
даровала за то сладкопенье.*

Конечно, слепота Гомера дискуссионна, впрочем, как и само его существование. И, разумеется, многократно доказано, что автор «Илиады» и «Одиссеи», какое бы имя он ни носил, видел окружающую его действительность в мельчайших подробностях. Однако примем за исходную позицию то, в чём убеждён был даже

⁹ Демодок. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь. Санкт-Петербург, 1893. Т. 10. С. 367.

Пушкин: *«Крив был Гнедич поэт, преложитель слепого Гомера, Боком одним с образцом схож и его перевод».*

Таким образом, начнём от Гомера. Того самого Гомера, который в птолемеевской Александрии считался божеством, а храм Гомера – «Гомерейон», не сохранившийся, к сожалению, вполне мог бы в наше время стать офисом международной писательской организации. Или, по крайней мере, не менее международного филиала, который можно было бы назвать «Страстотерпцы ордена святого Гомера». Попробуем сделать это так, как завещал великий Линней, как учит запрещённая в Украине партия, то есть классифицируя по каким-то признакам.

Таких категорий может быть несколько: тип увечья (рука, нога, зрение, слух, паралич и т.п.), принадлежность к определённой национальной литературе, принадлежность к доминирующему роду литературы (проза, поэзия, драматургия) и, наконец, хронология. Поскольку ощущаю себя в некотором роде первопроходцем, полагаю наиболее целесообразным прибегнуть к принципу хронологическому: от легендарного Гомера, о котором практически ничего не известно, до наших дней, когда каждая подробность литературного быта не в состоянии укрыться от бдительного читательского ока.

Я отчётливо осознаю, что эта несанкционированная попытка внедриться в устоявшееся благолепие системы периодических элементов литературы, созданной Аристотелем Никомаховичем Стагиритом и Юрием Михайловичем Лотманом, может для меня плохо кончиться. Однако, по предварительным подсчётам, литераторов, которые по одному или нескольким признакам попадают в ставшую объектом моего внимания категорию авторов, насчитывается уже более сотни. Допускаю, что не располагаю исчерпывающей информацией, тем не менее, даже тех, которые состоят на моём учёте, вполне достаточно, по-моему, чтобы вычленив их в особую классификационную группу.

Если о слепом Гомере известно исчезающее мало, то слепой **Рудаки** (860–941) в мировом культурном процессе нашёл своё отчётливо обозначенное место: родоначальник персидской литературы для обоих направлений, как иранского, так и таджикского. Найдена его могила, выдающийся антрополог, автор огромного количества портретов-реконструкций (от неандертальца до Ивана Грозного) Михаил Михайлович Герасимов восстановил его внешний облик, подтвердив также и слепоту.

Абуль-Ала аль-Маарри (973–1057), выдающийся учёный и поэт, ослеп после перенесённой в детстве оспы, что не помешало ему достичь небывалой популярности в тогдашнем арабском мире. О значимости и художественном уровне его творений могу только сказать, что на русский язык его переводил Арсений Тарковский.

Поэт, оратор, актёр и драматург *«Слепец Адрии»* **Луиджи Грото** (1541–1585), незрячий от рождения, настолько освоился со своим положением во вполне цивилизованной Венеции шестнадцатого столетия, что даже играл слепых персонажей в древнегреческих трагедиях, поражая зрителей убедительностью своего лицедейства.

Луиш де Камознс (1524–1580), как и надлежало, высокородному португальскому кабальеро, был отчаянно храбр, а потому ввязывался во все тогдашние сражения, и не менее драчлив, а потому не пропускал ни одной дуэли. В результате то ли одного, то ли другого потерял правый глаз, что не помешало ему впоследствии стать автором национального португальского эпоса *«Лузиада»*, которым восхищались Сервантес, Вольтер, Гюго. То обстоятельство, что Камознс умер именно тогда, когда Португалия на долгие годы утратила свою государственность, несмотря на бывшее могущество, всегда привлекало внимание польских культурных деятелей, которые стремились к достойной похвалы компаративности.

Исследований, изучавших, насколько отличается психосоматическое состояние личности, не видящей ничего, от состояния личности, видящей мир только одним глазом, мне обнаружить пока не удалось. Подозреваю, что арифметические действия тут вряд ли помогут. Речь может идти, скорее всего, о неких чисто психологических отклонениях, связанных с увечьем как таковым.

Джон Мильтон (1608–1674) полностью потерял зрение в 44 года, уже будучи состоявшейся творческой личностью со стабильным бытом и распорядком дня, что и помогло ему, живя размеренной жизнью в окружении близких, надиктовать знаменитую трилогию *«Потерянный рай»*, *«Возвращённый рай»* и *«Самсон-борец»*.

Эржюль Савиньен Сирано де Бержерак (1619–1655) более известен как литературный персонаж, герой пьесы Эдмона Ростана, лихой гасконец с огромным носом и не меньшим поэтическим талантом.

В отличие от своего литературного двойника, реальный Сирано был сыном парижского (не гасконского) адвоката, современником и

даже соратником Шарля де Бац де Капельмор, известного как д'Артаньян, и Жана Батиста Поклена, известного как Мольер. А в современном французском литературоведении фигура Сирано популярней Гюго и Вольтера, потому что никто не может понять, как этому бретёру и гомосексуалисту удалось написать совершенно невероятный текст – дилогию «Иной свет», описывающую «государства и империи Луны» и «государства и империи Солнца». При всей откровенной вполне средневековой фантастичности отдельные описания космического пространства заставляют подозревать чудеса и вмешательство инопланетян.

Считать большой или даже невероятно большой нос неким увечьем, которое вынудило молодого француза отойти от предполагаемой военной карьеры, сулящей храбрецу немалые выгоды, и посвятить себя малоприбыльному занятию борзописца – означало бы признаться в тайном пристрастии к изысканиям Сигизмунда Фрейда, который несомненно признал бы во всём этом проявление компенсаторности, действия защитного механизма. Но мы смотрим на гравированный портрет и никакого Квазимодо там не видим: вполне сексапильный молодой человек откровенно галльской наружности. Однако многие исследователи склоняются к мысли, что художник, опасаясь вздорного нрава вспыльчивого клиента, несколько приукрасил действительность. Александр Сергеевич, который в лицейские молодые лета был известен среди ровесников под кличкой «Обезьяна», в подобной ситуации говорил

Себя как в зеркале я вижу,

Но это зеркало мне льстит.

Теофиль Готье, правда, смотрел на какой-то другой портрет, и это изображение повергло его в шок: «Я был так поражён его гигантским и необычным по форме носом... посередине он являет собой гору, по высоте уступающую разве что Гималаям»¹⁰. Ну, поэт, что скажешь.

И всё же. Вот на этом месте попробую из историка литературы перевоплотиться в теоретика или даже в методолога и поставлю вопрос, можно сказать, ребром: возможно ли некий физический изъян (слепоту, хромоту, врождённую или приобретённую аномальность какой-то части тела) считать достаточной

¹⁰ Цит. по: Мандалян Э. Сирано де Бержерак: ученик Демония Сократа? *Чайка/Seagull Magazine*. 2014. № 3 (254). URL:<https://www.chayka.org/node/5942> (дата звернения: 26.01.2021).

мотивацией к успешному развитию креативной личности, в частности личности, способной создавать художественные тексты?

И раз уж на то пошло, задам самому себе вопросы, на которые пока что совершенно точно нет ответов. Например: а есть ли в истории мировой литературы хотя бы попытка классификации фактов и факторов биографий писателей, которые принципиально отличали бы их судьбу от жизнеописаний всех остальных, либо заурядных обывателей, либо также талантливых личностей, но совсем в другом направлении? Не могу не вспомнить как историк прежде всего русской литературы свидетельство всё того же Александра Сергеевича:

*Пока не требует поэта
К священной жертве Аполлон,
В заботах суетного света
Он малодушно погружен;
Молчит его святая лира;
Душа вкушает хладный сон,
И меж детей ничтожных мира,
Быть может, всех ничтожней он.
Но лишь божественный глагол
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.*

И что? А вот пока ничего, потому что считать «божественный глагол» самоценным объективным феноменом, своего рода форшоком, малым землетрясением, подстрекającym рядового обывателя, ничтожное дитя мира, к литературному творчеству, не решусь.

Но предположим на минуту, что таковое исследование со всей тщательностью проведено, где учтены все подозрительные показатели: трудное детство, нелюбовь или наоборот чрезмерная опека родителей, малый рост/большой рост, несчастная юношеская любовь, несложившаяся карьера и множество каких-то иных факторов, складывающихся в некую цельную картину. Даже если какой-то титан трудолюбия всё это соберёт в новую периодическую систему литературных элементов, боюсь, что жизнеспособного ребёнка из этого гомункулуса не выйдет. Тут та же история, что с астрологией.

Потому что демонстрируемый тут феномен сам по себе пока что не имеет научной ценности. Он, как тот огурец, либо вписывается в общую картину мира огурцов, отличающую его от мира корнеплодов, например. Либо становится неким экспонатом

кунсткамеры, которого в живой природе в естественном виде в общем и быть не должно, как, например, в истории с утконосом: его обнаружили, но биологи долго отказывались верить своим глазам, настолько невероятно и уникально как по внешнему виду, так и по физиологии было это животное.

На данный момент мною собраны данные на сто с лишним «объектов» – писателей различных стран и эпох. В эту таблицу входят мировые величины, такие как **Мигель де Сервантес Сааведра** (1547–1616), автор всемирно известного романа о рыцаре печального образа; названный уже не менее известный **Джон Мильтон**; упомянутый уже **Джордж Гордон Ноэл Байрон** (1788–1824); **Христиан Иоганн Генрих Гейне** (1797–1856).

Значительную часть каталога занимают литераторы, хорошо известные в своих национальных литературах:

Николай Иванович Гнедич (1784–1833) – переводчик на русский Гомера; Лариса Петровна Косач-Квитка, она же **Леся Украинка** (1871–1913) – один из трёх столпов классической украинской литературы, всю жизнь борющаяся с туберкулёзом; **Александр Романович Беляев** (1884–1942) – один из основоположников советской фантастики, в юности испытывал самодельный парашют, неудачно прыгнул с крыши сарая и повредил спину, получив пожизненный хронический паралич; **Юрий Николаевич Тынянов** (1894–1943), с начала болезни ушедший из научной деятельности в написание прозы; **Хорхе Луис Борхес** (1899–1986), классик аргентинской литературы, страдавший наследственной слепотой; Аркадий Петрович Голиков (**Гайдар**) (1904–1941), на книгах которого выросло несколько поколений советских детей, инвалид Гражданской войны; **Николай Алексеевич Островский** (1904–1936) – самый выразительный случай того, как наступившая практически полная инвалидность (слепота и паралич) не помешала, а, наоборот, стимулировала художественное творчество; **Арсений Александрович Тарковский** (1907–1989) – русский поэт-философ, вернувшийся с войны с одной ногой; **Григорий Михайлович Тютюнник** (1920–1961) – украинский писатель, чьи произведения вошли в школьную хрестоматию, также послевоенный инвалид 2 группы; **Эдуард Аркадьевич Асадов** (1923–2004) – слепой ветеран войны, автор многочисленных нравоучительных и душещипательных стихотворных текстов; **Владислав Андреевич Титов** (1934–1987) – донецкий шахтер, лишившийся в результате аварии рук,

написавший карандашом в зубах книгу «Всем смертям назло»; **Владимир Емельянович Забаштанский** (1940–2001) – лишившийся после несчастного случая зрения и рук, получил высшее образование и стал весьма успешным литератором.

Еще более многочисленную категорию литераторов составляют авторы в основном одной книги: о том, что приключилось в их жизни плохого и как они это плохое преодолели. В общем, по матрице Николая Островского.

Таким автором был французский журналист **Жан-Доминик Боби** (1952–1997), у которого после автомобильной катастрофы свободным от паралича оказался только левый глаз, которым он и наморгал целую книжку, ее потом еще и экранизировали.

Таким был испанский моряк **Рамон Сампедро** (1943–1998), которого парализовало после аварии, а он настолько не хотел быть никому в тягость, что требовал право на эвтаназию, о чём и написал, держа ручку в зубах книгу, и таки добился своего.

И таких больше всего, пожалуй. Но исчерпывающей информации у меня нет. Вышли в информационное поле только те случаи, которые по той или иной причине достигли того уровня скандальности, которые необходимы средству массовой информации для повышения его рейтинга.

А вот история, например, сына репрессированного в 1937 году румынского революционера Ионы Дика **Иосифа Дика** (1922–1984), получившего в 1942 году на фронте ранение, оставившее его без кистей рук, просто никому не была известна. Он в 1943 году поступил в Литературный институт, стал профессиональным и успешным детским писателем (лично моё детство прошло под его песенку «Ровесницы, ровесники, девчонки и мальчишки!»), был трижды женат и вообще радовался жизни, стучая своими культами по клавиатуре печатной машинки и этими же культами водя персональный автомобиль.

ВЫВОДЫ

Все эти люди, как ставшие классиками литературы, так и просто получившие в результате ежедневного пожизненного подвига свои пять минут славы в областной газете, сделали свой выбор сознательно. Литература – это такой вид деятельности, который требует от человека всего полностью, без праздников и выходных, но и без какой-либо гарантии на успех. Я уже не говорю о том, что никогда литература не была прибыльной работой. И чем более

талантлив был литератор – и тому мировая литература предоставляет множество доказательств – тем меньше у него было шансов стать успешным и добычливым. Об этом в самом начале пути знают все. И всё равно идут на это.

Во многих религиях есть категория лиц, посвятивших себя жертвенному служению. Подвижничество монахов и дервишей, мученичество во имя идеи как призвание и тому подобные феномены хорошо известны истории различных идеологий, в том числе, как ни странно, тоталитарных.

Вообще замысел расследования начинался с формулировки «Юродивые Маркса ради», потому что первоначально я предполагал, что феномен Павки Корчагина характерен только для советской литературы. Оказалось, что проблема гораздо шире и не так однозначна и очевидна¹¹. А потому, оставаясь как бы в парадигме христианской терминологии, рабочим, стартовым для дальнейшего исследования мемом, то есть минимально значимой культурной информационной единицей, предлагаю считать формулу: «Страстотерпцы ордена святого Гомера». Патроном ордена определён, естественно, первый в истории литературы легендарный слепец. Орденом эта группа литераторов обозначена в силу очевидной неприбыльности этого вида деятельности. Страстотерпцами же назвал их потому, что в православной конфессии христианства принято так обозначать мучеников, принимающих страдания во имя веры своей. Надеюсь, что не оскорбил тем чувства верующих.

В двадцатом столетии пафос этого типа литературы кардинально изменился. Если ранее достойным внимания и изумления было не замечать собственной и чужой инвалидности, то теперь адекватным ситуации стало не делать из этого тайны, а, наоборот, говорить о житейской аварии вслух, помогая тем, кто не может справиться с бедой сам и не имеет таланта рассказать об этом другим.

Американец **Джим Феррис** родился с болезнью ног, прошёл сквозь ад больниц, о чём позже написал несколько книг, в том числе «Больничные стихи», в которой есть и произведение, ставшее очень популярным – «Поэт калек»:

Poet of Cripples

¹¹ Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в советском визуальном дискурсе. *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*. Москва : Вариант, ЦСПГИ, 2009. С. 289–331.

*Let me be a poet of cripples,
of hollow men and boys groping
to be whole, of girls limping toward
womanhood and women reaching
back,
all slipping and falling toward the
cavern
we carry within, our hidden void,
a place for each to become full,
whole,
room of our own, space to grow in
ways
unimaginable to the straight
and the narrow, the small and
similar,
the poor, normal ones who do not
know
their poverty. Look with care, look
deep.
Know that you are a cripple too.
I sing for cripples; I sing for you¹²*

*Позвольте мне быть поэтом калек,
пустых в середине мужей и
мальчишек,
бредущих на ощупь во мраке себя,
девчонок, хромающих к женскому лику,
и женщин, обёрнутых к девичьей
стате,
но всех их в пещеру сметает судьба,
и гул пустоты её спрятать невмочь,
тот космос, где каждый – звезда
и ямка, в которой таится цветущий
росток,
всех в шок повергающий,
или обычный, такой же, как все,
но так и не знающий, что он –
заурядность.
Смотрите внимательно и в глубь
вещей.
Ты думаешь – ты не калека?
Я песню пою для убогих калек. И для
тебя, калеки (перевод наш – О. Г.).*

Австралиец **Алан Маршалл**, перенеся в детстве полиомиелит, посвятил свою довольно продолжительную жизнь рассказу о том, на что способны инвалиды. И начал с первой преодолённой вершины – «Я умею прыгать через лужи». Это небольшое вроде бы достижение, но это название первой книги автобиографической трилогии, которая для многих людей с врожденными или приобретёнными физическими недостатками стала своеобразной Библией. Парализованный **Кристи Браун** владел только одной конечностью – и написал ею об этом книгу: «Моя левая нога». Слепоглухая **Гелен Келлер** научилась коммуникации с людьми и написала об этом несколько книг в жанре «история моей жизни» (название первой). История с французом **Жаном-Домиником Боби** выглядела бы анекдотичной, если бы не произошла на самом деле. Мужчина попал в аварию, получил инсульт, обездвижил весь, кроме левого глаза, моргая которым и надиктовал целую книгу, ставшую бестселлером и экранизованную – «Скафандр и бабочка».

Возникло целое гражданское движение – Disability Arts, «Искусство инвалидов», которое устами его лидера **Алана Сазерленда** декларирует прагматичность такого искусства:

«Основная аудитория Disability Arts – другие инвалиды. Мы не ощущаем, что наша работа должна быть одобрена основной

¹² Ferris J. Hospital Poems. Published Main Street Rag. 2004. October 30. 64 p.

трудоспособной аудиторией. Мы уважаем себя и друг друга и направляем свой труд на людей, которые знают, о чём мы говорим, и которые могут вступить с нами в полезный диалог»¹³.

То есть тексты, написанные людьми с инвалидностью, даже не претендуют на художественную, эстетическую ценность. Они, в конечном счете, могли бы быть написаны другими людьми, профессиональными литераторами. Но эффект тут, собственно, состоит в том, что этот инвалид – не просто инвалид, каких много, а инвалид, научившийся быть исключительным даже среди так называемых «нормальных» людей.

АННОТАЦИЯ

В теории литературы неоднократно делались попытки определения причин и стимулов литературного творчества. Ни одна из них до сих пор не привела к достаточно достоверному результату. *Casus ad creaturam*, повод для творчества так и остался ноуменом, *ding an sich*, «вещью в себе», о которой можно только высказывать предположения. Ограничение физических возможностей в ряде случаев стало единственной причиной, породившей создание литературного текста. Очевидно, что это не *conditio sine qua non*, тем не менее, достаточно распространённое явление. А в литературном быту новейшего времени эти тексты сыграли выдающуюся социально-психологическую роль, направленную на повышение значимости индивидуальности в системе общества.

Литература

1. Ferris J. Hospital Poems. *Published Main Street Rag*. 2004. October 30. 64 p.
2. Sutherland A. What is Disability Arts? *Disability Arts Online*. 2005. 1 July. URL: <http://www.disabilityartsonline.org.uk/what-is-disability-arts> (дата звернення: 26.01.2021).
3. Бандурист. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь*. Санкт-Петербург, 1891. Т. 2а. С. 800.
4. Богданова О.В. Лірництво, ліра, лірники, лірницька мова, лірництво як явище української духовної культури. *Енциклопедія історії України*. Київ : Наукова думка, 2009. Т. 6. 790 с. URL:<http://www.history.org.ua/?termin=Lirnitstvo> (дата звернення: 26.01.2021).

¹³ Sutherland A. What is Disability Arts? *Disability Arts Online*. 1 July 2005. URL: <http://www.disabilityartsonline.org.uk/what-is-disability-arts> (дата звернення: 26.01.2021).

5. Годзэ. *Википедия*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Годзэ#:~:text=«слепые%20женщины»%20—%20группы,в%20регионе%20Хокурику%20префектуры%20Ниигата> (дата звернення: 26.01.2021).

6. Демодок. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь*. Санкт-Петербург, 1893. Т. 10. С. 367.

7. Єременко О. Синкретичність еволюції кобзарства: від історичного явища до художнього образу. *Синopsis: текст, контекст, медіа*. 2014. № 3. URL: http://nbuv.gov.ua/UJRN/stkm_2014_3_5 (дата звернення: 26.01.2021).

8. Жеплинський Б.М., Ковальчук Д.Б. Українські кобзарі, бандуристи, лірники. Енциклопедичний довідник. Львів : Галицька видавнича спілка, 2011. 316 с.

9. Захарчук О. Шевченко і кобзарське мистецтво. *Музика. Український інтернет-журнал*. URL: <http://mus.art.co.ua/shevchenko-i-kobzars-ke-mystetstvo/> (дата звернення: 26.01.2021).

10. Калики. *Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Энциклопедический словарь*. Санкт-Петербург, 1895. Т. 14. С. 27–28.

11. Конрад Н.И. Японская литература XIII–XVI вв. *История всемирной литературы* : в 8 т. Москва : Наука, 1983–1994. Т. 3. С. 654–673.

12. Мандалян Э. Сирано де Бержерак: ученик Демония Сократа? *Чайка/Seagull Magazine*. 2014. № 3 (254). URL: <https://www.chayka.org/node/5942> (дата звернення: 26.01.2021).

13. Українське кобзарство: методико-біографічні матеріали / уклад. Н.О. Кліменко ; КЗ КОР «Київська обласна бібліотека для юнацтва». Київ, 2020. 45 с.

14. Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В. Герои и тунеядцы: иконография инвалидности в советском визуальном дискурсе. *Визуальная антропология: режимы видимости при социализме*. Москва : Вариант, ЦСПГИ, 2009. С. 289–331.

Information about the author:
Glotov Oleksandr Leonidovych,

Doctor of Philology, Professor,
Professor at the Department of Foreign Languages
and Methods of Their Study
Taras Shevchenko Regional Humanitarian-Pedagogical
Academy of Kremenets
1, Litseina str., Kremenets, 46000, Ternopil region, Ukraine